

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811: 133

© 2025 С. Е. Кремзикова

ДИНАМИКА ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ДИСКУРСАХ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ СИТУАЦИЙ)

В статье проведено исследование языковых средств вербализации деятельностных ситуаций церемониального типа с позиций конструирования модели как универсальной категории, которая охватывает лексическую семантику, словообразование, взаимодействует с категориями текста и дискурса. В рамках данной проблемы в работе рассматриваются вопросы: 1) выделения признаков деятельностной ситуации как динамичной полиситуативной структуры; 2) выявления факторов полиситуативности деятельностной ситуации с учетом разных аспектов, непосредственно связанных со словом – грамматического, семантического, словообразовательного. В статье обосновывается положение о том, что лингвистическая креативность, соотносится с языковой нормой как когнитивной программой реализации ее реальных и потенциальных возможностей в дискурсивных практиках.

Ключевые слова: дискурс, лингвокреативность, старофранцузский период, концепт, деятельностная ситуация.

© 2025 S. Ye. Kremzikova

DYNAMICS OF LINGUOCREATIVE PROCESSES IN DISCOURSES OF THE OLD FRENCH PERIOD (BASED ON THE MATERIAL OF CEREMONIAL ACTIVITY SITUATIONS)

The article studies the lingua-creative potential of linguistic means of verbalization of ceremonial situations from the standpoint of constructing a model of an activity situation as a universal category that covers lexical semantics, word formation, and interacts with the categories of text and discourse. Within the framework of this problem, the paper considers the following issues: 1) identifying the features of an activity situation as a dynamic polysituational structure; 2) identifying the factors of polysituational activity situation taking into account various aspects directly related to the word – grammatical, semantic, word-formation. The article substantiates the position that linguistic creativity is related to the language norm as a cognitive program for the implementation of its real and potential capabilities in discursive practices.

Key words: discourse, linguistic creativity, Old French period, concept, activity situation.

Введение

В современной лингвистике существуют различные подходы к толкованию понятия «лингвистическая креативность». Н. Хомский определяет ее как врожденную способность личности к обработке лингвистического опыта, в котором «... нормальные языковые способности распространяются на неограниченную область: каждый носитель может произвести и понять неограниченное число языковых выражений при нормальном

употреблении языка». Автор отмечает: «Эта замечательная способность, которая называется критически значимым компонентом «креативности» обыденного использования языка ... считается принципиально важной составляющей человеческой природы» [Хомский, 2005: 13-14]. По-разному объясняются и причины возросшей популярности этого термина в последние десятилетия. Важным этапом в развитии теории лингвокреативности является ее выход на исследования текста и дискурса. Согласно разработанной модели «Смысл-текст» определяется креативная функция языка как трансформатора заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы [Мельчук, 1974: 9]. В предисловии к коллективной монографии «Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности» отмечается, что в эпоху цифровых технологий с ускорением процесса обмена информацией, расширением сферы межличностных контактов, развитием новых форм коммуникативного взаимодействия (виртуальных, онлайн), создаются условия к изменениям в языковой системе. Особенно важным, на взгляд авторов книги, «... представлялось исследование функционального потенциала системно-языковых техник и стратегий лингвокреативности, действующих в определенных дискурсивных условиях при участии экстралингвистических факторов» [Зыкова, 2021: 12].

В то же время, в трактовке понятия лингвистическая креативность, отмечаются различные аспекты, которые требуют уточнения. В ряде работ данное явление рассматривается в оппозиции 'лингвистическая креативность – языковая норма' в разработке метаязыка исследований креативного потенциала языковой системы в разных дискурсивных практиках, а также в изучении исторической динамики и тенденций развития языка. [Зыкова, 2021, Гридина, 2008; 2012, 2013; Демьянков, 2021; Семенова, 2023; Соколова, 2021, Сотникова 2021]. Лингвокреативность как коммуникативная стратегия говорящего рассматривается также в аспекте антропоцентризма, что обуславливает, как считает автор, непредсказуемость «текстового материала за счет появления огромного количества несуществующих лексических номинаций» [Захаров, 2024: 610]. В коллективной монографии «Лингвистика креатива 1 и 2» под редакцией Т. А. Гридиной лингвокреативность представляется как вид деятельности, в рамках которого происходят словотворчество, языковая игра [Гридина, 2012; 2013]. Лингвокреативность определяют как деятельность, мыслительный процесс, который находит своё выражение языковыми средствами, когда языковая личность отступает от языковых норм и употребляет языковые единицы (в частности, лексику) в несвойственных контекстах, дополняя семантику новыми

оттенками значения. Отмечается способность языковой игры реализоваться на любом уровне [Сотникова, 2021: 58].

В ряде исследований обосновывается иная точка зрения, отмечается взаимодействие факторов языковой креативности и языковой системы и нормы. Так, в работах известных российских ученых лингвокреативность понимается как источник создания языкового канона, как движущая сила в реализации языковой системы. [Арутюнова, 1999, 79; Гак, 2016]. Говоря об индивидуальном творчестве авторов, В. Г. Гак отмечает, что оно «сводится к специфическому индивидуальному использованию общих типов языкового варьирования» [Гак, 2016]. В статье «Лингвистическая креативность: нарушение нормы?» Е. Г. Беляевская отмечает, что «лингвистическая креативность основывается на знании языковой системы (*language competence*) и реализуется в сфере пользования языком (*language performance*), т. е. в сфере номинации и сфере текстоформирования, где она начинает соотноситься с языковой нормой как когнитивной программой дальнейшей «правильной» реализации языковой способности в дискурсивных практиках». Автор считает, что лингвистическая креативность, которую принято связывать с отступлением от языковых средств, приводящим к повышению эффективности прагматического воздействия, не следует трактовать как нарушение принятой системной и/или коммуникативной нормы [Беляевская, 2022: 62]. Акцентируется также ведущая роль нормы в языковой деятельности, которая обусловлена тем, что «понять и осмыслить феномен лингвокреативности можно только на фоне нормы» [Гришаева, 2022: 19; Guilbert, 1975]. Как известно, норма представляет собой совокупность моделей конструирования языковых единиц и правил сочетания их элементов в соответствии с закономерностями развития системы языка. Обладая способностью вариативности, языковая система обуславливает и лингвистическую креативность как «реализацию потенциала языковой системы в процессе дискурсивной деятельности говорящего с учетом возможных пределов расширения нормы» [Беляевская, 2022].

Современные ученые высказывают мнение о том, что креативность дискурса базируется на динамических ментальных репрезентациях, которые позволяют интегрировать новые смыслы в реальном общении [Алефиренко, 2005: 209; Faconnier, 2002]. В. З. Демьянков считает, что креативность в употреблении языка предполагает опыт создания, восприятия и критики речевых произведений. Одним из важнейших параметров креативности является степень «контекстной креативности», зависящая от редкости не только лексем, но и их контекстов [Демьянков, 2021: 23]. Отмечается, что языковые механизмы реализации лингвистической креативности

охватывают все уровни языковой системы, и, как следствие, являются приоритетными в исследованиях синхронного плана.

Создаются также предпосылки для постановки и необходимости решения комплекса сложных вопросов, среди которых и вопросы креативной функции языка в разные периоды его развития и в дискурсах разных типов, представляющих ключевые социокультурные сферы коммуникативного взаимодействия. Так, известные российские ученые В. Н. Ярцева, на материале английского языка, Н. А. Катагощина, на материале французского языка, рассмотрели целый ряд важнейших вопросов, позволяющих в диахроническом ключе выявить связь лингвистического творчества с выработкой нормативных форм употребления единиц языка на ранних исторических этапах его существования [Ярцева, 2022; Катагощина, Васильева, 1997]. В этом плане, выбор дискурсов старофранцузского периода для исследования реализации творческого потенциала языка обусловлен рядом факторов: важностью привязанности дискурсов к определенным событиям социокультурной жизни Средневековой Франции, принадлежностью дискурсов к различным жанрам (эпическому и куртуазному), представляющим значительный временной отрезок (XI–XIII вв.).

Основная часть

Широкое толкование дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речи, текста, диалога превалирует в современной лингвистической литературе. Ученые считают, что разные типы дискурсов имеют общую основу, что позволяет говорить о дискурсе вообще и прототипичной модели дискурсивной деятельности, сущностью которой является «... формирование смысла и его становление, фиксации как текста»

Дискурс как система коммуникации, как процесс, приводящий к формированию текста, связной речи, как средство речевого моделирования образа, порождаемого человеческим сознанием, представляет определенный интерес в исследовании явлений лингвокреативности [Charaudeau, Maingueneau 2002]. В любом дискурсе происходит прямая или косвенная репрезентация структуры предметной (референтной) ситуации: проводится идентификация объектов и отношений, характерных для данной ситуации, приписыванием определенных признаков. Таким образом, акт референции делает ситуацию объектом дискурсивного действия. Ситуация же представляет сеть связей между позициями действия, формирующих определенную фактологическую данность и перспективу события [Бурбело, 2004: 81].

Считается, что когнитивный образ предметно-референтной ситуации опирается на

знания о предмете, вытекающие из предыдущего опыта и вероятности прогнозирования. Такой образ может быть представлен в виде модели – некоторой базовой структуры представления знаний о предметно-референтной ситуации [Ажеж, 2003: 121-122]. Реальная предметная ситуация может интерпретироваться в акте речевой деятельности.

Концепция деятельностной ситуации как комплексной дискурсивной единицы. Деятельностная ситуация объединяет аспекты *языковой ситуации* (используются единицы системы языка соответствующего исторического периода), *коммуникативной ситуации* (элементы конкретных подязыков и их стилистических средств), *текстовой ситуации* (контекстуальные парадигмы различной структуры), *категориальной ситуации* (актуализация грамматических категорий: времени, аспекта, рода действия), *когнитивной ситуации* (стереотипы, которые отражают знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка; оценки определенных явлений, действий, событий) [Кремзикова, 2010: 87].

В работе предложено толкование деятельностной ситуации как лингвокреативной модели онтологической ситуации, формула которой на концептуальном уровне отражает характер связей между явлениями реального мира. Она является его «функциональной аппроксимацией». Модель деятельностной ситуации представляет, таким образом, центр отношений, который организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах. В рамках деятельностной ситуации такие парадигматические единицы, как тематические, словообразовательные, лексические (синонимические, антонимические, паронимические, омонимические) ряды выполняют организационную роль, образуя структурный ее каркас. Деятельностная ситуация представляет, таким образом, узел отношений, организует языковые единицы в *синтагматическом и парадигматическом планах*, делает возможным существование широкой *концептуальной (глубинной) сети взаимоотношений*, которая на поверхностном уровне дискурса отражает эти отношения в виде семантически и формально связанных слов. Время существования ситуации определенного действия сводится к одному раунду наблюдения, *деятельность определяется совокупностью разнородных и разноплановых действий*, направленных к достижению цели; существование деятельностной ситуации во времени подтверждается ее разворачиванием как ряда эпизодов [Кремзикова, 2010; 2021].

Динамическая составляющая. Динамический аспект мировосприятия отражает событийную концептуализацию действительности, то есть представление ситуации как сегментированного хода событий с акцентом на связях и отношениях. Развитие деятельностной ситуации происходит как через синтагматическую последовательность высказываний, так и путем реализации «парадигматических проекций» (термин,

предложенный С. Lévi-Strauss в установлении им парадигматической структуры мифа, а затем А. J. Greimas как одной из составляющих структуры текста) [Lévi-Strauss, 1974; Greimas, 1976], которые отражают и деривационно-семантические отношения ключевого термина и его контекстуальных синонимов.

Деятельностная ситуация как динамическая составляющая развертывания дискурса отражает действия и процессы, которые в каждый отдельный момент существуют в определенной фазе их развития: каждая следующая фаза переходит в другую, и, таким образом, действие или процесс получают целостность. По этому признаку (фазовость, или дискретность существования) действия и процессы отличаются от предметов и свойств, последние воспринимаются как существующие в каждый момент в своей целостности [Кремзикова, 2010]. Как уже было отмечено, в системе языка существуют такие узлы, в которых креативный потенциал проявляется с наибольшей силой. Одной из таких открытых к творческим изменениям подсистем языка является словообразование, поскольку в словообразовательном процессе сохраняются формы перехода от действительности к мышлению и от мышления к языку. Языковыми носителями концептуальной информации выступают внутренняя форма слова, понятийное ядро значения, коннотация, парадигматические и синтагматические отношения, деривационные связи, ассоциативные связи, которые составляют определенную иерархию.

Модель деятельностной ситуации. Вербализованная деятельностная ситуация (ДС) вооружения, облачения рыцаря в доспехи реализуется в дискурсе, формируя сферу главного действия, выразителем каждого акта (сегмента) которой является предикат (П) *s'armer*, олицетворяющий функцию (Ф) центра отношений, а также обусловленные им (П¹, П², П*), актуализирующие развитие ситуации сегменты, которые взаимодействуют между собой. Схематически она представлена следующим образом:

ДС = П¹ / Ф¹ (А¹, А² ...) > П² / Ф² (А¹, А² ...) > П* / Ф* (А¹, А² ...) [Кремзикова, 2010: 51-55].

Примеры развития ситуации.

В синтагматике эпического и куртуазного дискурсов реализуются этапы ситуации, которые показывают ее развитие в динамике последовательности действий, выполняемых субъектом. Предикат широкой семантики *armer* 'вооружать(ся)' содержит потенциальные семы 'подготовиться к битве', 'надеть доспехи', которые реализуются рядом предикатов конкретного действия (*s')apareiller, (s')atorner, afaitier, vestir, chaucier, conreer, garnir*; а также предикатами, называющими событие, к которому готовится рыцарь *joster* 'сражаться в поединке', *tornoiier* 'участвовать в рыцарском турнире' [Gdf.; GDAF]. Актанты ситуации

определяются семантическим анализом ситуации или лексикографическим толкованием соответствующего слова [Мельчук, 1974: 134; Guilbert, 1975]. «*Por armer s'atorne et afeite: Premieremant se fist lacier Unes chaucés de blanc acier. Après vest un hauberc tant chier Qu'an n'an pooit maille tranchier*» [Erec, 2636-2640]. «*Et li chevaliers se resvoille, s'atorne et si s'aparoille Et s'arme*» [Charrette, 1295-1297].

В парадигматической проекции дискурса реализуются мотивированные предикатами актанты A^1 , A^2 , представляющие определенный словообразовательный тип и формирующие словообразовательные ряды [Катагощина, 1997] или деривационные парадигмы [Guilbert 1975; Štekauer 2005; Sanacore, Hathout, Namer, 2020]. Словообразовательные ряды церемониального действия, функционирующие в дискурсах старофранцузского периода:

– Мотивированные именем существительным

- N^1 --- V^1 -er --- N^2 -eure; --- Pref.- V^2 / arme --- armer --- armeure; --- desarmer
- N^1 --- V^1 -er --- Pref.- V^2 / chauce --- chaucier --- deschaucier

– Мотивированные глаголом

- V^1 -ir --- N^1 -ement; ---Pref.- V^2 / garnir --- garnement / garnissement; --- desgarnir
- V^1 -er --- N^1 -eure; - N^2 -ø; - N^3 eor / conreer --- conreüre; ---conroi; ---conreor
- V^1 -ir --- N^1 -ement / N^2 -eüre; ---Pref.- V^2 vestir -vestment / vesteüre; -desvestir; -revestir
- V^1 -er --- N^1 -ement;---Pref.- V^2 -er /apareiller ---apareillement; ---desapareiller
- V^1 -er --- N^1 -ement;--- Pref.- V^2 -er /afubler ---afublement; ---desafubler
- V^1 -er --- N^1 -ement; --- N^2 -eure /afaitier --- afaitement; --- afaiture
- V^1 -er --- N^1 -ement / atoner --- atonnement

Церемониальные деятельностные ситуации в дискурсах старофранцузского периода. В работе рассматриваются средства вербализации ситуаций церемониального типа «вооружать(ся), снаряжать(ся), готовиться к битве» и «снаряжать(ся), готовить(ся), посвящать в рыцари». Одними из основных вербализаторов этих деятельностной ситуаций церемониального типа в эпическом и куртуазном дискурсах являются глаголы *s'adober* (*s'équiper*) / *s'armer* ‘снаряжаться’, ‘вооружаться(ся)»; *adober* (*équiper un chevalier*) / *armer* ‘снаряжать рыцаря’, ‘вооружать’ [Gdf.; GDAF].

Анализ эпических поэм «La Chanson de Roland» / «Песня о Роланде», «Le Couronnement de Louis» / «Коронование Людовика», «La Chanson de Guillaume» / «Песня о Вильгельме», «La Chanson d'Aspremont» / «Песня об Аспремоне», «Ipomedon» / «Ипомедон» и ряда куртуазных романов, позволил зафиксировать динамику лингвокреативного процесса в реализации ситуаций церемониального действия «готовиться, снаряжаться к битве», «посвящать в рыцари». Последние актуализируются посредством функционирования форм ключевых глаголов *adober* / *armer*, мотивированных ими структурно различных

словообразовательных моделей, тематически и семантически организованных рядов слов, формирующих парадигматические и синтагматические проекции.

Синтагматико-парадигматические проекции деятельностной ситуации «снаряжать / вооружать». В ходе проведенного исследования установлено, что синтагматические и парадигматические проекции, образующие лексико-семантические сети концептуального поля деятельностной ситуации «снаряжение рыцарей к битве» формируются:

– акциональными глаголами (s') *armer v*, (s') *adober* с первоначальным значением 'вооружать(ся)' / 'снаряжать(ся)' к битве; антонимическими глаголами – (s') *armer v / desarmer*, 'вооружать(ся)' / 'разоружать(ся)', вербализирующими основной референт деятельностной ситуации; «*Paien s'adubent des osbercs sarazineis*» [Rol. 994];

– глаголами *apareillier*, *aprester*, с общим значением 'подготовить(ся) / оснастить себя', идентифицирующими главный референт, отражая определенные его аспекты, и функционирующими как конситуенты деятельностной ситуации; «*Carles comande que l'os soit apretee*» [Asprem. I, 1605];

– глаголами *garnir*, *conrëer*, *atorner*, *vêtir* с общим значением 'надевать что-либо';

– глаголами с конкретным значением «надевать доспехи, вооружаться» – как, например, *ceindre v* 'опоясать / повесить на пояс' (чаще всего меч); «*L'espee çainte a cest senestre lé*» [Asprem. II, 8408]; *ceindre v*; *ceindre v ceignent* (1) 2275; *ceindre* (1) 1139; *ceint* (4) 411, 643, 2073, 2477; *ceinte* (4) 122, 1984, 1996, 2458; *ceinz* (1) 1508 [Cour L.];

– вторичными глаголами, мотивированными именами предметов, входящими в состав доспехов: *halberc* s.m 'кольчуга' ---*halbergier v* 'надевать кольчугу'; *chalce / chauce* n.f 'обувь' ---*chaucier v / mettre les chausses, chausser* 'обуться, надеть обувь'; *calcez* (1) 3860 *chalcer* (1) 2677 [Rol.]; *las* s.m 'шнурок' ---*lacier v* 'шнуровать / зашнуровать' – идентифицирующими специализированные аспекты главного референта, детализируя ситуацию; «*Lacie el cief cest vert elme genme?*» [Asprem. II, 8409]; *lacier v lace* (3) 410, 2072, 2476 *lacent* (1) 2456 *laciez* (3) 1507, 2274, 2297 *lacie* (3) 645, 1983, 2078 [Cour. L.];

– глаголами, мотивированными названиями частей тела, реализующими значение «надеть определенный элемент доспехов на определенную часть тела» выступающими в роли актуализаторов второстепенных референтов, подчиненных основному, детализируя деятельностную ситуацию; *-endosser v / dos sm-* 'спина / надеть, натянуть на спину' – «*Por qoi arai cest oberc endosse*» [Asprem. II, 8407];

– мотивированными этими глаголами, словообразовательными рядами: производными именами действия, деятеля, антонимическими однокорневыми глаголами – *armer // desarmer* v, вербализующими основной референт деятельности ситуации.

Выступая в роли вербализатора главного референта деятельности ситуации, глагол *armer* ‘вооружаться’ характеризуется многомерностью семантики, отражает ее полифункциональность, весомым фактором которой является активность субъекта-лица, непосредственно влияющего на процесс, его результативность и динамизм. Различные компоненты действия составляют деятельностьную ситуацию вооружения рыцаря и подчиняются общему наименованию. Деятельностная ситуация при этом характеризуется сегментированностью, то есть, дескрипцией действия, представляющей собой последовательность актов, когда каждый последующий акт не просто следует во времени за другим, но и детерминирован им. В некотором смысле организация деятельностиной ситуации коррелирует с композицией соответствий семантических фреймов и деривационных парадигм, предложенной в работе французских ученых «*Représentation sémantique des familles dérivationnelles au moyen de frames morphosémantiques*» [Sanacore, Nathout, Namer, 2020: 344], а также с конструкцией языковых группировок, формируемых гипо-гиперонимическими связями по двум основным направлениям: горизонтали и вертикали [Балакин, 2019: 8].

Вся ситуация не сводится к отдельному акту, хотя может быть названа одним глаголом. По законам метонимии отдельный акт может именоваться по целому деянию и напротив. Вооружиться означает надеть кольчугу, зашнуровать шлем, подпоясать меч, как например: «*Richiers s'en vait armer al pavellon, vest un oberc, lace un elme reon, çaint une espee al senestre geron*» [Asprem. I, 1817-1820]. В других случаях глагол *armer*, выступая обобщенным термином, имплицитно реализует специализированные действия, составляющие ситуацию вооружения. Сравним с предыдущим примером: «*Mais onques jent ne furent si arme, come de broignes et de haubers sabres, de bones targes, de fors escus bocles, de trencans lances et d'espiels aceres*» [Asprem. II, 9147-9150]. Глагол *armer* управляет серией косвенных дополнений, которые называют предметы снаряжения рыцаря, его оружие: *broignes / cuirasse* (justaucorps de cuir, garni de metal, d'anneaux) ‘кираса, латы’, *haubers* (longue cotte de mailles) ‘длинная кольчуга’, *targes* (bouclier) ‘щит’, *escus* (bouclier) ‘щит’, *lances* (lance) ‘копье, пика’, *espiels* (épieu) ‘копье’, которые в деятельностиных ситуациях коррелируют также с глаголами специальной семантики *vestir* (habiller) *haubers* ‘надеть кольчугу’; *çaindre* (entourer) *espiels* ‘подпоясать меч’; *lacer* (lier) *helmes* ‘завязать шлем’; *afubler* (habiller) *un mantel* ‘надеть плащ’ [Gdf.; GDAF].

Согласно результатам проведенного анализа ситуации «вооружения, снаряжения к битве» в эпическом дискурсе, глагол *adober* / *équiper un chevalier, armer* ‘снаряжать рыцаря, вооружать’ регулярно коррелирует с глаголом *armer*, который является составной частью его дефиниции. Так, например, в поэме «Песня о Роланде» функционирует 12 форм *adober*: *adobez* (1) 1143, *adubees* (1) 713, *adubent* (3) 994, 1796, 2999, *aduber* (2) 993, 3138, *adubet* (1) 2986, *adubez* (4) 1792, 2469, 2776, 3133 [Rol.], тогда как форм глагола *armer* всего одна *armez* (1) 682 [Rol.] в «Песне о Вильгельме» – функционирует 16 форм глагола *adober* – *adober* (1) 3404, *adoberai* (1) 2837, *adobez* (2) 3084, 3121, *adubas* (1) 1035, *adubbai* (1) 2003, *adubber* (1) 2832, *adube* (1) 384, *aduber* (1) 2665, *adubé* (7) 854, 1032, 1074, 2019, 3094, 3100, 3311 и 12 форм глагола *armer*; в поэме «Ипомедон» – 5 форм *adober* – *adubé* (1) 3832, *adubez* (1) 3331, *adubbé* (2) 4621, 5624, *adubbez* (1) 8225 и 15 глагольных форм *armer*; в поэме «Коронование Людовика» – 7 форм глагола *adober* – *adouba* (1) 1634, *adoubez* (1) 1630, *s'adoube* 2453, 2454, *adoubé* (3) 400, 481, 496 и 13 форм глагола *armer*.

Семантическая структура глагола *adober* ‘снаряжать, вооружать’ содержит потенциальную сему «конкретный предмет – результат / средство действия», что делает возможным появление в ситуации «вооружения» участника, вербализуемого производным существительным с нулевым суффиксом *adob sm* /*armure*/ ‘доспехи’ (1) 1807 [Rol.]. По модели *V-er—N-ø* образуется ряд отглагольных производных – *conrëer v/armer, vêtir/, parer/*, ‘вооружать, снаряжать, украшать’ – *cunreer* (1) 343 *cunreez* (1) 161 [Rol.], «*conroi*» *sm* /*équipement*/ – *cunreid* (1) 2492 [Rol.]. Как свидетельствуют данные выборки из эпических поэм, регулярные лексемы, вербализующие деятельностные ситуации подготовки / снаряжения к бою или турниру, относятся преимущественно к организованным группам слов, которые характеризуются формальными и семантическими связями. Типичными для данной ситуации рядами являются, зафиксированные в поэме «*Couronnement de Louis*» / «Коронование Людовика», многочисленные формирования, способствующие разворачиванию деятельностной ситуации.

Словообразовательные ряды:

1) *arme sf* ‘оружие’ (35 словоформ) – *arme* (1) 1915; *armes* (34) 253, 260, 320, 377, 388, 406, 408, 434, 463, 481, 497, 637, 63 688, 884, 894, 901, 1025, 1029, 1034, 1121, 1169, 1427, 1473, 1618, 1752, 1909, 2070, 2161, 268; *armer v* ‘вооружать’ (3) 423, 2431, 2475; *armerent* (1) 640; *armez* (6) 1067, 1559, 1984, 1987, 2249, 2392; *armé* (3) 427, 1111, 1996; *armëure sf* ‘вооружение, оружие’, *armeure* (1) 955;

2) *garnir v* ‘оснастить’ (2) – *garni p.pas.* (1) 1564; *garniz* (1) 1565; *garnement sm*

‘оснащение’, ‘доспехи’; *garnemenz* (4) 224, 2233, 2451, 2472.

Ряды словоизменительных форм глаголов:

1) *apareillier* v ‘подготовить(ся)’ (16) – *apareillié p.pas* (3) 124, 659, 2055; *apareille* (1) 2627; *apareillent* (1) 21904; *apareillier* (7) 524, 1186, 1290, 1837, 2070, 2273, 2549; *apareilliez* (3) 1267, 1505, 2026;

2) *atorner* v / *atorner* (2) 666, 1579 – *atorné p.pas.* (1) 688; *atornez* (1) 1565.

3) *vestir* v ‘одевать(ся)’ – *vestu p.pas.* (2) 638, 688; *vestuz* (3) 619, 1188, 1506; *vest* (3) 410, 2072, 2476; *vestent* (3) 641, 2274, 2454;

4) *adober* v ‘вооружить(ся)’ – *adoubé p.pas.* (1) 496; *adouba* (1) 1634; *adoubez* (1) 1630.

Менее многочисленными являются формы глаголов *conrëer* v / *conraez* (1) 1564; *conroez* (1) 288; *afubler* v / *affubler* (1) 767 [Cour. L.].

Примеры реализации ДС «оснащение рыцаря» в эпическом дискурсе:

– «Richiers s'en vait **armer** al pavellon, *vest* un oberc, **lace** un elme reon, **çaint** une espee al senestre geron» [Asprem. I, 1817-1820];

– «Païen chevalchent par cez greignurs valees, Halbercs **vestuz** e tres bien fermeez Healmes **lacez e ceintes** lur espees, Escuz as cols e lances **adubees**» [Rol. 710-713] «**adubent** lor cors»; «*lur cors aduber*» [Rol.];

– «Païen **s'adubent** des osbercs sarazineis», «**Lacent** lor elmes mult bons sarraguzeis, **Ceignent** espees de l'acer vianeis» [Rol. 994; 996-997];

– «Plus de cent milie **s'en adubent** ensemble»; «De cels de France **XX milie adubez**» [Rol., 2777];

– «Prendés i. homme **adoubé de ses armes**» [Couron. 481, A1, C];

– «**Adubez** vos, si **criez** vostre enseigne» [Rol. 1793];

– «**S'il velt avoir armes ne garnement**» [Asprem. II, 7343].

Ряды, выявленные в поэме «Couronnement de Louis» / «Коронация Людовика», характерны для эпического дискурса, поскольку функционируют и в других эпических произведениях. В эпической разновидности художественного дискурса отмечено функционирование многозвенных словообразовательных рядов структурно разных, которые, реализуя определенные позиции, указывают на участников деятельностной ситуации подготовки воинов к битве. Среди них отмечается регулярностью словообразовательная корреляция: «глагол / вторичный глагол», маркирующая дополнительные аспекты в структуре специализированного действия. Функционирует словообразовательный ряд, реализующий позиции: «*V* глагол – *NAc* предикатное существительное», которое представляет действие как процесс и как номинализацию процесса снаряжения, номинализацию факта; *NRes* наименование конкретного результата действия; *NAg* наименование деятеля. Эпическая разновидность художественного дискурса изобилует ситуациями, которые категоризируются согласно когнитивной модели

деятельностной ситуации «направленность действия субъекта на объект». Когнитивно выделяются смысловые параметры «действие», «деятель», «объект действия», «результат действия» [Катагощина, 1997; Štekauer, 2005; Sanacore, Hathout, Namer, 2020]. Когнитивная модель «замкнутость действия в сфере субъекта-агента» включает смысловые параметры, в которых субъект и объект совпадают в одном лице в ситуации подготовки к битве, в частности в лексемах *chevalier* ‘рыцарь’, *guerrier* ‘воин’, *solduier* ‘солдат’, *combateor* ‘ратник’ и, таким образом, делает невозможным формирование имени деятеля по специальному действию.

В разновидностях художественного дискурса, в частности, куртуазного, глаголы *adouber* ‘снаряжать(ся)’, *armer* ‘вооружать(ся)’, *garnir* ‘оснащать(ся)’, *conreër* ‘снаряжать(ся), украшать(ся)’ функционируют как частные синонимы, реализуя динамический аспект концептуализации действительности как последовательности событий и связей между ними. Синонимические ряды вербализуют эпизоды батальных сценариев, которые предусматривают выполнение определенных действий в ситуации «вооружения», «подготовки воинов к бою», а также в ситуациях «подготовки к турниру, охоте», «сборам в дорогу», «посвящения в рыцари», реализуя различные блоки лексико-семантических сетей в их взаимосвязи.

Примеры реализации ДС «подготовка к турниру, охоте», «подготовка к странствиям», «посвящение в рыцари» в куртуазном дискурсе:

- «Li rois se lieve, si *s'atorne*, Et por aler an la forest. D'une corte cote *se vest*. *Afublez* d'un mantel ermin *Chauces* de paile avoit *chauciees*» [Erec, 70-72];
- «*La pucele meïsmе l'arme*, n'i ot fet charaie ne charme; *Lace* li les *chaucés* de fer. *Hauberc* li *vest* de buene maille, Et si li *lace* la *vantaille*. Le *hiauime brun* li *met el chief*» [Erec, 709-715];
- «*Erec nes a pas refusees*;... *Les armes a volantiers prises*, Si *s'an fet armer an la sale*» [Erec, 5687-5691];
- «Qui est li chevaliers *armez*, D'unes *armes* d'azur et d'or» [Erec, 584-585];
- «*A tant lor armes demanderent Li chevalier et si s'armerent*» [Charrette, 587-588];
- «*Et Erec un autre [écuyer] apela*, si li comande a aporte *ses armes por son cors armer*» [Erec, 2620-2622];
- «*Mes je me garni de desfandre*» [Yvain, 80 e 305].

Динамический аспект реализации ДС «посвящение в рыцари». Действие *adouber* ‘посвящать в рыцари’, как и процесс *adoubement* ‘посвящение в рыцари’ приобретает смысл церемонии (ритуала) в конце XII века, расширяя первоначальное значение *adouber(s)* ‘вооружать’ / ‘вооружаться’ (отметим, что в эпическом дискурсе *adouber / s'adouber* имел исключительно значение ‘вооружать’ / ‘вооружаться’) [TLFi]. В куртуазном дискурсе концепт «посвящать в рыцари» вербализируется глаголом

adouer / adober и мотивированным им типичным словообразовательным рядом: *V-er adouer --- NAc-ement adoubement; --- NAg.-eor adobeor*, звенья которого реализуют значения: действия «посвятить в рыцари», отвлеченного процессуального признака «ритуал посвящения в рыцари», носителя процессуального признака «лицо, проводящее ритуал посвящения». Процесс церемонии посвящения в рыцари включает в себя действия, когда претендент получает оружие, лошадь, соответствующую одежду и доспехи, а самое главное (в отличие от ситуаций эпического дискурса) он изменяет свое социальное положение – присоединяется к «ордену рыцарей».

Развертывание парадигматических проекций происходит через реализацию серии производных: имени действия со значением посвящения в рыцари *adoubement* (*rite de l'adoubement*) 'ритуал посвящения в рыцари'; существительного со значением агента действия *adobeor* 'совершающий ритуал посвящения в рыцари'; существительного со значением конкретного результат действия *adob* 'доспехи'. Исторические источники отмечают, что *adoubement* становится ритуалом только в конце XII века, заменив простой процесс вооружения [Dubu, 1999; Chédeville, 2000]. Сравним ситуации вооружения в эпическом дискурсе, в которых глагол *adober* коррелирует с глаголами *armer* 'вооружить', *aprester* 'снарядить': «*Prendés .i. homme adoubé de ses armes*» [Couronn., 481C]; «*Prenez .i. home apresté de ses armes*» [Couronn., 481 A1]; «*Qu'adoubé ot el mostier devant l'arce*» [Couronn., 495 A1]; «*Qui fu armez u moustier devant l'arce*» [Couronn., 496 B1]; и в куртуазном, где он коррелирует с глаголами *conraer* и существительным *conrois*, в семантической структуре которых присутствует сема *parer* 'украшать', 'наряжать': «*Riant dist la roïne: «Or vous esteut penser De dras de mainte guise a leur cors conraer, Et m'entremetrai de bons conrois donner, Si en ferai trois cens pour s'amour adouer»»* [Rom. d'Alex., 530].

Посвящение в рыцари происходит по определенному ритуалу, подобному крещению ввиду большого количества участников, который включает действия конвенционального характера, то есть целеустремленные не на сражение, а на действия символического плана, в частности, омовение, облачение в соответствующие одежды: «*Aprés por la joie angreignier Comanda çant vaslez beignier Que toz les viaut chevaliers feire*» [Erec, 2015-2017]; «*... si li fist porter en presant chemise et braies de censil et cauces taintes en bresil et cote d'un drap de soie ynde*» [Perc., 1600-1603]. «*Le soir d'une grant feste qu'il durent celebrer Sont venu a la rive pour leur cors esclaver*» [Rom. d'Alex., 540]. Ситуация посвящения в рыцари включает серию действий, валоризирующих не только непосредственных участников деяния, но и обстоятельства. Молодые кандидаты готовятся к церемонии, они должны

пройти длительный период обучения. Церемонию проводят в дни больших праздников при дворе короля или в его саду с участием знатных лиц и в присутствии большого количества зрителей: «*Li rois Evrains, cui niés je sui, M'adoba veant mainz prodomes Dedanz cest vergier ou nos somes*» [Erec., 6070-6072]. Таким образом, деятельная ситуация «посвящения в рыцари» вербализуется в дискурсе посредством актуализации потенциальной семантики глагола *adouer* представленной рядом сем конкретного и символического действия. Их последовательность передается серией глаголов специализированного действия, носящих к тому же символический характер.

В частности, в куртуазном дискурсе воспроизводится следующая церемониальная ситуация: S¹ *adobeor* субъект действия / лицо ответственное за ритуал / король, знатный рыцарь – V – действие *chauche* ‘надевает’ S² / P – пациенсу / кандидату в рыцари / – O¹ объект / *l'esperon destre* / ‘позолоченную шпору на правую ногу’, затем – V² *li çainst'* ‘его опоясывает’ O² объект *l'espee* ‘мечом’ и V³ *dona la colee* ‘наносит ему символический удар саблей’: «*Et li preudom s'est abaissiez, si li chaucha l'esperon destre. La costume soloit tex estreque cil qui faisoit chevalier li devoit l'esperon cauchier*» [Perc., 1624-1628]; «*L'esperon destre et çaint l'espee et si lor dona la colee*» [Perc., 9185-9186].

Типичным для куртуазного дискурса является функционирование глагола *adouer* / *adober* и мотивированного им ряда производных слов (*adobement* ‘ритуал посвящения в рыцари’, *adobeor* ‘тот, кто посвящает, проводит ритуал’), которые расширяют границы ситуации «вооружаться, готовиться к битве», вербализуя ситуацию обряда «посвящать в рыцари».

Ритуал принятия в орден рыцарей приобретает особое значение: ситуация не имеет чисто религиозного (мифического) смысла, она освящена идеей причастности к социальному сообществу знатных людей, объединенных идеей служения, а через нее – верности высшей силе, Богу: «*le plus haute ordene avec l'espee que Diex ait faite et comandee: c'est l'ordre de chevalerie*» [Perc., 1635-1637]. Церковь поощряет благочестивые ассоциации, но, в то же время, порицает сообщества, объединенные иными, нежели религиозные, целями, сообщества, в частности, подвергает суровой критике рыцарские турниры [Ле Гофф, 2001: 313]. Деятельная ситуация обряда снаряжения рыцаря, вербализуемые в куртуазном дискурсе и отражающие реалии феодального общества, эволюционировали со времен крестовых походов, приобрели смысл ритуала, а соответственно смыслу меняется и состав участников. Глагол субъектно-объектного типа не только называет действие, замкнутое в нем, но и определяет отношение, связь между

предметами и лицами, между субъектом и объектом действия. Таким образом, деятельностные ситуации, объектом которых является описание церемоний принятия присяги, посвящение в рыцари, реализуют новые аспекты по сравнению с простой подготовкой к битве и на коммуникативном уровне характеризуются новыми признаками, такими как перформативность, интенциональность, конвенциональность.

Выводы

Исследование показало, что в основе организации дискурса находятся модели деятельностных ситуаций, базисным условием реализации которых является нелимитированное производство и воспроизводство различных структур языковой системы. Указанные выше факторы свидетельствуют о том, что деятельностная ситуация как центральная единица функционального пространства дискурса включает различные компоненты, связанные между собой детерминантными отношениями. Так, деятельностные ситуации снаряжения воинов к бою, подготовки рыцарей к турниру, сборы в путь, посвящения в рыцари актуализируются в дискурсах старофранцузского периода деривационными, тематическими сериями слов, парадигматическими и синтагматическими проекциями, отражающими концептуальную сеть реальных событий.

В деятельностных ситуациях «снаряжение, вооружение рыцаря», функциональная нагрузка приходится в основном на глагольные формы и в меньшей степени на мотивированные глаголом производные существительные, что подтверждается количественным анализом словоформ, воспроизводящих определенный фрагмент внеязыковой действительности – разные этапы подготовки воинов / войска к битве. Отмечено, что производные имена действия и деятеля, функционирующие в дискурсе как развивающие ситуацию компоненты, формируются по основным моделям системы французского словообразования, которые являются продуктивными и в современный период. Подтверждено, что динамический аспект мировосприятия, отражая событийную концептуализацию действительности, отражает онтологические реалии и представляет собой гетерогенные, динамические формирования, устанавливаемые на уровне речевой семантической интерпретации того, о чем идет речь в высказывании, тексте, дискурсе.

В центре внимания при этом находится творческое переосмысление мира человеком, отражающее динамическое развитие онтологической ситуации и, в соответствии с этим, посредством трансформационных процессов и перехода лингвистических структурных компонентов из одной позиции в другую, ее вербализация. Отмечено, что в рассматриваемых разновидностях дискурса старофранцузского периода, это обусловило построение широкого и открытого концептуального поля в каждом из них, которое

реализует вариативные разветвления на разных уровнях языковой системы и актуализирует типичные для конкретного дискурса концепты в соответствии с определенным историческим событием, социокультурным укладом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с франц. Москва: УРСС, 2003. 301 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Москва: Наука, 2005. 416 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 136-137.
4. Балакин С. В. Деривационный и номинативный потенциал лексической системы языка (на материале русского, французского и португальского языков). 2-е изд. испр. и доп. Екатеринбург: УрГУПС, 2019. 311 с.
5. Беляевская Е. Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (53). С. 62-73. Doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73.
6. Бурбело В. Б. Модель дискурсу в парадигмальном вимірі // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Іноземна філологія. Київ, 2004. Вип. 37-38. С. 81-85.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Москва: Либроком, 2016. 408 с.
8. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2008. 166 с.
9. Демьянков В. З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 21-99.
10. Захаров О. И. Лингвокреативность как основа образования полисинтетических номинаций в англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 607-615.
11. Зыкова И. В. Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 11-20.
12. Катагощина Н. А., Васильева Н. М. Очерк истории французского языка. Москва: Диана, 1997. 421 с.
13. Кремзикова С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. 512 с.
14. Кремзикова С. Е. Моделирование комплексных единиц словообразования с учетом структурно-семантических и концептуальных связей их элементов в историческом контексте // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. Донецк, 2021. Т. 17. Вып. 4 (54). С. 37-53.
15. Соколова О. В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 258-351.
16. Сотникова Е. С. Лингвокреативность в дискурсе социальной рекламы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2021. № 2. С. 54-64.
17. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / пер. с фр.; общ. ред. С. К. Цатуровой. Москва: Изд. группа «Прогресс», 2001. 440 с.

18. Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. 369 с.
19. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-текст». Москва: Наука, 1974. 314 с.
20. Хомский Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». Москва: КомКнига, 2005. 288 с.
21. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. 2-е изд. Москва: URSS, 2022. 200 с.
22. Duby G. Histoire de la France. Des origines à 1348. Larousse-Bordas, 1999. 415 p.
23. Guilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 286 p.
24. Greimas A. J., Courtés J. Les acquis et les projets // Préface. Introduction à la sémiotique narrative et discursive. Paris: Hachette, 1976. P. 5-25.
25. Chédeville A. La France au Moyen Age. 11-e édition. Paris: PUF, 2000. 127 p.
26. Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books, 2002. 464 p.
27. Sanacore D., Hathout N., Namer F. Représentation sémantique des familles dérivationnelles au moyen de frames morphosémantiques // Traitement Automatique des Langues Naturelles (TALN, 27e édition). Nancy, France, 2020. Vol. 2. P. 342-350.
28. Štekauer P. Handbook of Word Formation. Dordrecht: Springer, 2005. 470 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. 662 p.
2. Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A. J. Greimas. Paris, 2007. 630 p. [GDAF].
3. Godefroy Fr. Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. T. I–X. Paris, 1881–1902. Var. p. [Gdf.].
4. Trésor de la langue française informatisé. Доступ: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr>. (дата обращения: 12.12.2024). [TLFi].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Chrétien de Troyes. Le Chevalier au Lion. Edition du texte par P. Sala, effectuée par P. Servet. Paris, 1996. 6807 vers. Доступ: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm. (дата обращения: 12.12.2024). [Yvain].
2. Chrétien de Troyes. Le Conte du Graal ou le roman de Perceval. Edition du manuscrit 354 de Berne, traduction critique, présentation et notes de Ch. Méla. Paris: Librairie Générale Française, 1990. 640 p. [Perc.].
3. Chrétien de Troyes. Romans. Érec et Énide, édité par P. Kunstmann. Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien. Publié en ligne par la Base de français médiéval. Доступ: <http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu>. (дата обращения: 12.12.2024). [Erec].
4. Ipomedon, poème de Hue de Rotelande (fin du XII-e siècle). Edité par A. J. Holden. Paris: Klincksieck, 1979. 10580 octosyllabes [Ipomed.].
5. La Chanson d'Aspremont. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. Paris: Champion, 1923. T. I. 208 p.; T. II. 211 p. [Aspremont.].
6. La Chanson de Roland. Éditée par G. Moignet, 2e édition revue et corrigée. Paris, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). Доступ: www.uottawa.ca/academic/arts/lfa. (дата обращения: 12.12.2024). [Rol.].
7. Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII-e siècle du cycle de Guillaume d'Orange, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris-Genève: Droz, 1978. 421 p. [Couronn.].

8. Roman d' Alexandre / Éd par E. C. Armstrong et Alfred Foulet. Princenton: Princenton Un-ty Press, 1942. Vol. IV. 110 p.; Vol. V. 250 p. [Rom. D'Alex.].

REFERENCES

1. Azhezh, K. (2003). *Chelovek govoryaschiy. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [The Speaking Man. The Contribution of Linguistics to the Humanities] / per. s frants. Moskva: URSS. (In Russ.).
2. Alefirenko, N. F. (2005). *Sovremennye problemy nauki o yazyke* [Modern Problems of Language Science]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Moskva. Pp. 136-137. (In Russ.).
4. Balakin, S. V. (2019). *Derivatsionnyy i nominativnyy potentsial leksicheskoy sistemy yazyka (na materiale russkogo, frantsuzskogo i portugalskogo yazykov)* [Derivational and nominative potential of the lexical system of language (based on the Russian, French and Portuguese languages)]. 2-e izd. ispr. i dop. Ekaterinburg: URGUPS, (In Russ.).
5. Belyaevskaya, E. G. (2022). Lingvisticheskaya kreativnost: narushenie normy? [Linguistic creativity: violation of the norm?]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No 3 (53). Pp. 62-73. Doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73. (In Russ.).
6. Burbelo, V. B. (2004). Model diskursu v paradigmalmomu vimiri [Model of discourse in a paradigmatic world]. In *Visnik Kiyivskogo natsionalnogo universitetu im. T. Shevchenka. Inozemna filologiya*. Kiyiv. Iss. 37-38. Pp. 81-85. (In Ukr.).
7. Gak, V. G. (2016). *Yazykovye preobrazovaniya. Vidy yazykovykh preobrazovaniy. Faktory i sfery realizatsii yazykovykh preobrazovaniy* [Language transformations. Types of language transformations. Factors and spheres of implementation of language transformations]. Moskva: Librokom. (In Russ.).
8. Gridina, T. A. (2008). *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste* [Language play in a fiction text]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.).
9. Demyankov, V. Z. (2021). Lingvokreativnost v diskursakh o vozmozhnom i veroyatnom [Linguistic creativity in discourses about the possible and the probable]. In *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya*. Moskva: R. Valent. Pp. 21-99. (In Russ.).
10. Zakharov, O. I. (2024). Lingvokreativnost kak osnova obrazovaniya polisinteticheskikh nominatsiy v angloyazychnom mediadiskurse [Linguistic creativity as a basis for the formation of polysynthetic nominations in English-language media discourse]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 17. Iss. 2. Pp. 607-615. (In Russ.).
11. Zyкова, I. V. (2021). Yazyk i diskursy: na novykh rubezhakh teorii lingvokreativnosti [Language and discourses: on new frontiers of the theory of lingua-creativity]. In *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya*. Moskva: R. Valent. Pp. 11-20. (In Russ.).
12. Katagoschina, N. A., Vasileva, N. M. (1997). *Oчерк истории франсузского языка* [An Outline of the History of the French Language]. Moskva: Diana. (In Russ.).
13. Kremzikova, S. Yu. (2010). *Slovotvir ta diskurs: diyalnisni situatsiyi u starofrantsuzskiy movi* [Word formation and discourse: activity situations in the Old French language]. Kiyiv: Vydavnychyy Dim Dmytra Burago. (In Ukr.).
14. Kremzikova, S. Ye. (2021). Modelirovanie kompleksnykh edynits slovoobrazovaniya s uchetom strukturno-semanticheskikh i kontseptualnykh svyazey ikh elementov v istoricheskom kontekste [Modeling complex units of word formation taking into account the structural-semantic and conceptual connections of their elements in the historical context]. In *Studia*

- Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk. Vol. 17. Iss. 4 (54). Pp. 37-53. (In Russ.).
15. Sokolova, O. V. (2021). Lingvokreativnost v reklamnom i poeticheskom diskursakh [Linguistic creativity in advertising and poetic discourses]. In *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya*. Moskva: R. Valent. Pp. 258-351. (In Russ.).
 16. Sotnikova, E. S. (2021). Lingvokreativnost v diskurse sotsialnoy reklamy [Linguistic creativity in the discourse of social advertising]. In *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. Perm. No 2. Pp. 54-64. (In Russ.).
 17. Le Goff, Zh. (2001). *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The Medieval World of the Imaginary] / per. s fr.; obsch. red. S. K. Tsaturvoy. Moskva: Izd. gruppа «ProgresS». (In Russ.).
 18. *Lingvistika kreativa-1* [Linguistics of creativity-1]: kollektivnaya monografiya / pod obsch. red. prof. T. A. Gridinoy. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-T», 2013. (In Russ.).
 19. Melchuk, I. A. (1974). *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl-tekst»* [Experience of the theory of linguistic models «Meaning-text»]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
 20. Khomskiy, N. (2005). *O prirode i yazyke. S ocherkom «Sekulyarnoe svyaschenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya»* [About nature and language. With the essay «The Secular Priesthood and the Dangers of Democracy»]. Moskva: KoMKniga. (In Russ.).
 21. Yartseva, V. N. (2022). *Istoricheskaya morfologiya angliyskogo yazyka* [Historical morphology of the English language]. 2-e izd. Moskva: URSS. (In Russ.).
 22. Duby, G. (1999). *Histoire de la France. Des origines à 1348*. Larousse-Bordas.
 23. Guilbert, L. (1975). *La créativité lexicale*. Paris: Larousse.
 24. Greimas, A. J., Courtés, J. (1976). Les acquis et les projets. In *Préface. Introduction à la sémiotique narrative et discursive*. Paris: Hachette, Pp. 5-25.
 25. Chédeville, A. (2000). *La France au Moyen Age*. 11-e édition. Paris: PUF.
 26. Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. Basic Books.
 27. Sanacore, D., Hathout, N., Namer, F. (2020). Représentation sémantique des familles dérivationnelles au moyen de frames morphosémantiques. In *Traitement Automatique des Langues Naturelles (TALN, 27e édition)*. Nancy, France. Vol. 2. Pp. 342-350.
 28. Štekauer, P. (2005). *Handbook of Word Formation*. Dordrecht: Springer.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Charaudeau, P., Maingueneau, D. (2002). *Dictionnaire d'analyse du discours*. Paris: Editions du Seuil.
2. *Grand dictionnaire. Ancien français*. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A. J. Greimas. Paris, 2007.
3. Godefroy, Fr. (1881–1902). *Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle*. T. I–X. Paris. Var. p.
4. *Trésor de la langue française informatisé*. Available at: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr>. (accessed: 12.12.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Chrétien de Troyes*. Le Chevalier au Lion. Edition du texte par P. Sala, effectuée par P. Servet. Paris, 1996. 6807 vers. Available at: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm. (accessed: 12.12.2024).
2. *Chrétien de Troyes*. Le Conte du Graal ou le roman de Perceval. Edition du manuscrit 354 de Berne, traduction critique, présentation et notes de Ch. Méla. Paris: Librairie Générale Française, 1990.

3. *Chrétien de Troyes. Romans. Érec et Énide*, édité par P. Kunstmann. Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien. Publié en ligne par la Base de français médiéval. Available at: <http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu>. (accessed: 12.12.2024).

4. *Ipomedon, poème de Hue de Rotelande* (fin du XII-e siècle). Edité par A. J. Holden. Paris: Klincksieck, 1979. 10580 octosyllabes.

5. *La Chanson d'Aspremont*. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. Paris: Champion, 1923. T. I.; T. II.

6. *La Chanson de Roland*. Éditée par G. Moignet, 2e édition revue et corrigée. Paris, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). Available at: www.uottawa.ca/academic/arts/lfa. (accessed: 12.12.2024).

7. *Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII-e siècle du cycle de Guillaume d'Orange*, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris-Genève: Droz, 1978.

8. *Roman d' Alexandre* / Éd par E. C. Armstrong et Alfred Foulet. Princenton: Princenton Un-ty Press, 1942. Vol. IV.; Vol. V.

Кремзикова Светлана Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kremzikova Svetlana Ye. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Romanic Philology Department (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.